

КРИМИНАЛЬНОЕ ЧТИВО

И НЕ ТОЛЬКО

АМЕРИКАНСКИЙ ДЕТЕКТИВ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

КРИМИНАЛЬНОЕ ЧТИВО И НЕ ТОЛЬКО

АМЕРИКАНСКИЙ
ДЕТЕКТИВ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XX ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

КРИМИНАЛЬНОЕ ЧТИВО

И НЕ ТОЛЬКО

АМЕРИКАНСКИЙ
ДЕТЕКТИВ
ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ
XX ВЕКА

Об этой книге 5

Александра Борисенко

Американский детектив

в самом расцвете сил 7

Сьюзен Гласпелл

СУД РАВНЫХ

— 24 —

Кэрролл Джон Дэйли

ЛЖЕ-БЕРТОН КОМБС

— 44 —

Ричард Коннелл

ЦВЕТ ЧЕСТИ

— 66 —

Уильям Роллинз-младший

КОЛЬЦО НА РУКЕ СМЕРТИ

— 80 —

Дэшил Хэммет

ОДИН ЧАС

— 110 —

Винсент Старретт

ОДИННАДЦАТЫЙ
ПРИСЯЖНЫЙ

— 124 —

Миньон Г. Эберхарт

ПЯТНИСТАЯ СОБАЧКА

— 142 —

Эллери Квин

ДЕЛО О СЕМИ
ЧЕРНЫХ КОТАХ

— 166 —

Джон Диксон Карр

ВТОРОЙ ПАЛАЧ

— 188 —

Роберт Лесли Беллем

ЗАПАХЛО ЖАРЕННЫМ

— 202 —

Фрэнк Грубер

СМЕРТЬ НА ПЕТУШИНЫХ
БОЯХ

— 216 —

Корнелл Вулрич
ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЗАЙМЫ

— 234 —

Энтони Эббот
ИДЕАЛЬНОЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ МИСТЕРА
ДИГБЕРРИ

— 260 —

Мэри Робертс Райнхарт
ГУБНАЯ ПОМАДА

— 278 —

Уолтер С. Браун
ДЕЛО ХМЕЛЬНОГО
ПОПУГАЯ

— 298 —

Дэй Кин
СОУС ДЛЯ ГУСАКА

— 326 —

Ричард Деминг
ЧЕЛОВЕК, ВЫБРАВШИЙ
ДЬЯВОЛА

— 342 —

Дон М. Манкевич
УБИЙСТВЕННАЯ СТАВКА

— 376 —

Клэйтон Роусон
С ЛИЦА ЗЕМЛИ

— 386 —

Гарри Кемельман
КОНЕЦ ИГРЫ

— 408 —

Т. С. Стриблинг
ОКОЛО
ОДИННАДЦАТОГО
ЧАСА

— 422 —

Энтони Баучер
НУЖНО ПОСТАВИТЬ
ТОЧКУ

— 438 —

Шарлотта Армстронг
ВРАГ

— 458 —

Мюррей Лейнстер
ДВОЙНОЕ УБИЙСТВО

— 480 —

Рекс Стаут
ОТ СОБСТВЕННОЙ
РУКИ

— 490 —

Комментарий505

Глоссарий645

Библиография661

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)я43
К82

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко, Дмитрия Черногаева

Составители Александра Борисенко, Виктор Сонькин

К82 Криминальное чтение и не только. Американский детектив первой половины XX века : новеллы / пер. с англ.; составители А. Борисенко, В. Сонькин. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2020. — 672 с.

ISBN 978-5-17-117115-5

В этой антологии представлен американский детективный рассказ первой половины XX века во всем его разнообразии. В межвоенную эпоху родился специфический американский жанр — крутой детектив, но одновременно с ним продолжали существовать и классические интеллектуальные головоломки, и готические “домашние” детективы, и приключения ловких мошенников. В книге представлены знаменитые и малоизвестные авторы; многие рассказы впервые переведены на русский язык. Современному читателю эти тексты интересны не только закрученным сюжетом, но и “фоном”, на котором происходит действие, атмосферой эпохи. Из комментария можно будет подробнее узнать о том, как развивалась Америка в бурный период сухого закона, джаза, Великой депрессии и криминального чтения.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)я43

ISBN 978-5-17-117115-5

- © А. Борисенко, В. Сонькин, составление, научное редактирование, 2020
- © А. Борисенко, предисловие, 2020
- © Участники семинара А. Борисенко и В. Сонькина, перевод, комментарий, глоссарий, 2020
- © А. Бондаренко, Д. Черногаев, художественное оформление, макет, 2020
- © ООО “Издательство АСТ”, 2020
Издательство CORPUS®

— ОБ ЭТОЙ КНИГЕ —

Эта книга — третья (и последняя) в серии антологий детективного рассказа. Первая, “Не только Холмс”, была посвящена детективу Викторианской эпохи, временам Шерлока Холмса и его соперников. В это время литературный процесс Британии и Америки был еще в большой мере единым, и поэтому в первой антологии мы объединили американские и британские рассказы. Вторая книга серии, “Только не дворецкий”, была целиком посвящена британскому детективу межвоенного периода. В эти годы Детективный клуб, который в разное время возглавляли Гилберт Кит Честертон, Агата Кристи и Дороти Сэйерс, отточил до совершенства канон “чисто английского убийства” — труп в библиотеке занесенного снегом поместья, ограниченный круг подозреваемых, хитроумные ключи к разгадке, неожиданная развязка.

Третья книга, которую вы держите в руках, — антология американского рассказа первой половины XX века, той эпохи, когда американский детектив взломал застывшую форму и стал самим собой.

В первой книге серии отсутствовал главный писатель эпохи, Артур Конан Дойл. В последней вы не найдете Раймонда Чандлера, Ван Дайна, Эрла Стэнли Гарднера — главным образом потому, что они практически не работали в коротком жанре. Однако вы все же встретите несколько знаменитостей: Дэшила Хэммета и Рекса Стаута, Эллери Квина и Джона Диксона Карра (мы выбрали их малоизвестные рассказы).

В целом, как и предыдущих книгах, мы старались познакомить читателя с неизвестными прежде авторами и текстами и представить как можно более полную картину развития жанра. Именно поэтому мы включили в антологию не только крутой детектив, но и рассказы классического канона и то, что скорее можно было

бы назвать нуаром. Рассказы, вошедшие в этот сборник, приведут вас в шумные мегаполисы и провинциальные городки, на заброшенный хутор и в Голливуд, в подпольный бар, на петушиные бои, в зал суда. Следуя традиции, мы постарались отыскать все иллюстрации, которые сопровождали тексты в первых, обычно журнальных, изданиях. Большинство рассказов впервые переведены на русский язык.

Золотой век американского детектива — это “ревушие двадцатые”, джаз и эмансипированные девушки, запретный алкоголь, огни большого города, стремительный прогресс и американская мечта. Но это также и возрождение ку-клукс-клана, и годы Великой депрессии, и “потерянное поколение”. В конце книги вы найдете комментарий, рассказывающий о разных аспектах этой бурной эпохи, иллюстрированный глоссарий и список книг, которые оказались особенно полезны при работе над антологией.

Все три антологии подготовлены переводческим семинаром, работающим на филологическом факультете МГУ. Как и в прошлый раз, в создании книги принимали участие 23 человека.

Мы выражаем глубокую благодарность Татьяне Дмитриевне Венедиктовой, которая поддерживала этот многолетний проект от первого до последнего дня, Марине Леонтьевне Ремневой, которая всегда считала работу над книгами важной частью университетского обучения, всей команде издательства CORPUS, лучше которой не бывает, а также нашим самоотверженным сообщникам, которые помогали нам разыскивать редкие и малодоступные материалы: Марии Гендиной, Екатерине Сивертс, Антону Кухто.

Mary Roberts Rinehart

МЭРИ РОБЕРТС
РАЙНХАРТ

1876–1958

Перевод и вступление

Марии Малинской

Мэри Робертс Райнхарт (урожденная Мэри Элла Робертс) родилась в 1876 году в Пенсильвании. Ее отец, изобретатель-самоучка, разорившись, покончил с собой, когда девочке было 9 лет, а матери приходилось очень много работать и брать жильцов, чтобы прокормить детей. Окончив школу (кстати, свои первые тексты она написала для школьной газеты), Мэри выучилась на медсестру, затем несколько лет проработала в больнице в довольно неблагополучном районе — этот опыт она использовала позже во многих своих произведениях.

В 1896 году она вышла замуж за Стэнли Маршалла Райнхарта, врача, с которым познакомилась во время учебы в школе медсестер. В течение нескольких лет она ничего не публиковала, занималась домом и детьми, но в 1903 году ее снова

Рассказ был впервые напечатан в июле 1942 года в журнале “Космополитен”.

THE LIPSTICK

настигли финансовые трудности, и именно они заставили ее заняться писательством. Из-за краха фондовой биржи семья потеряла все накопления, и Райнхарт пришлось взять дело в свои руки. Она начала зарабатывать литературным трудом, за год опубликовала несколько десятков рассказов, затем, в 1907 году, вышла детективная повесть “Нижняя полка, десятое место” (*The Man in Lower Ten*), а в 1908-м — “Винтовая лестница” (*The Circular Staircase*), имевшая в Штатах колоссальный успех.

Эта книга дала начало и название новому литературному течению — “Если бы я только знал(а)” (*Had-I-But-Known*). В повести речь идет о немолодой женщине, которая сняла на лето дом в сельской местности и стала свидетельницей загадочного преступления — с первой же страницы книги начинаются многозначительные намеки на то, что будет дальше. Героиня, от лица которой ведется повествование, уверяет, что никогда не уехала бы из Лондона на лето, если бы знала, чем эта поездка для нее обернется. Таким образом, Райнхарт с самого начала повести держит читателя в напряжении, объясняя ему запоздалое раскаяние героини гораздо позже.

В 1908–1913 годах Райнхарт стала сочинять комические рассказы, в 1909-м она написала для бродвейской постановки пьесу “Семь дней” (*Seven Days*) в соавторстве с популярным комическим писателем Эвери Хопвудом; публика приняла ее на ура, и это обеспечило Райнхарт успех на Бродвее в ближайшие десятилетия. Кроме того, Райнхарт и Хопвуд вместе создали серию книг про идеального преступника по имени Летучая Мышь (*the Bat*), которая вдохновила создателя “Бэтмена”: вначале, в 1920 году, вышла пьеса на Бродвее, затем повесть, а потом, в 1926-м, — немой фильм.

В 1910 году Райнхарт создала образ своего ключевого персонажа — Тиш, незамужней дамы средних лет, которая вместе со своими двумя подругами Эджи и Лиззи только и делает, что занимается неподобающими незамужней даме средних лет вещами: разъезжает на машине, охотится и даже выполняет трюки на съемках немого кино. Тиш появляется во множестве рассказов вплоть до 1940-х годов.

Благодаря писательскому успеху Райнхарт дела семьи наладились, и они даже смогли позволить себе купить дом. В начале 1910-х Стэнли Райнхарт отправился в Европу изучать врачебное дело, и Мэри последовала за ним. Она стала военным корреспондентом “Сатердей ивнинг пост” в Бельгии и первым военным коррес-

Cosmopolitan, 1942

МЭРИ РОБЕРТС РАЙНХАРТ

пондентом-женщиной: описывала события на фронте и брала интервью в числе прочих у Альберта I, короля Бельгии, и Уинстона Черчилля. После того как журналистам запретили работать в зоне военных действий, Райнхарт пригодились навыки медсестры: репортерскую деятельность она сочетала с медицинской.

В 1930 году вышла повесть “Дверь” (*The Door*), ставшая источником расхожей фразы “Это был дворецкий”; однако, хотя преступником в книге и правда оказывается дворецкий, именно такой фразы в тексте нет.

В 1932 году муж Райнхарт умер, а сама она в 1935-м переехала из Вашингтона в Нью-Йорк. Сыновья писательницы основали издательство, которое она возглавила.

Кроме того, Райнхарт участвовала в движении суфражисток. Когда у нее обнаружили рак груди, она, вопреки обычаям того времени, решила привлечь к проблеме внимание общественности — в частности, дала журналу “Ледиз хоум джорнал” интервью под названием “У меня был рак”, в котором рассказывала о болезни и призывала женщин регулярно делать обследования.

Райнхарт умерла в 1958 году. Хотя ее часто называют американской Агатой Кристи, ее творческий диапазон вовсе не исчерпывается детективным жанром: она оставила множество комических и несколько любовных рассказов, а также повести, пьесы, эссе и воспоминания. Райнхарт удавалось сочетать в одном коротком рассказе детективную интригу, динамичные сюжетные повороты, забавные детали и внимание к психологическим подробностям характеров. Как, например, в рассказе “Губная помада”.

МЭРИ РОБЕРТС РАЙНХАРТ ГУБНАЯ ПОМАДА

Я шла домой после коронерского дознания. Мама уехала на машине раньше; выглядела она так себе, впрочем, как и все время со смерти Элинора. Вообще-то раньше она ее недолюбливала. В ее картине мира люди делились на добропорядочных и недобропорядочных. Добропорядочные оплачивают счета первого числа каж-

дого месяца, ходят в церковь, считают замужество священным долгом каждой женщины старше двадцати, а уж если попадают в газеты, то только в колонку светской хроники.

Все это моя кузина Элинора Хэммонд презирала. Она шагала по жизни так беззаботно, словно каждый день, проснувшись, задавалась вопросом, чем бы сегодня развлечься. Стройная, прелестная, потягиваясь

на шелковых простынях — о, как же мама из-за них негодовала, — она кричала усталому бедняге Фреду:

— Фред, давай пригласим кого-нибудь на коктейль!

— Как скажешь, милая.

И так было всегда. Он был согласен на все, чего она хотела. Он молился на нее. По пути домой я вспоминала его лицо на дознании — он как будто не понимал, что происходит.

— Вам известны какие-либо причины, которые могли бы побудить вашу... миссис Хэммонд покончить с собой?

— Нет, никаких.

— Может быть, ей причиняло беспокойство какое-то недомогание?

— Нет, здоровье у нее всегда было превосходным.

— Но она консультировалась с доктором Баркли.

— Она переутомлялась. У нее было столько всяких дел! — печально сказал Фред.

И все же факт остается фактом. Элинора то ли выпала, то ли выпрыгнула из окна приемной доктора Баркли, с десятого этажа. Коронер, очевидно, полагал, что выпрыгнула. Доктор в тот день ее не видел, только медсестра.

— В приемной больше никого не было, — заявила медсестра. — У доктора была пациентка. Миссис Хэммонд села, сняла шляпу и взяла журнал. Я пошла к себе в кабинет — скопировать кое-какие документы. Больше я ее не видела, пока...

Медсестра была бледная и очень хорошенькая.

— Расскажите нам, что произошло потом, — мягко сказал коронер.

— Минут через пять я услышала, как из кабинета доктора вышла предвещающая пациентка. Там есть дверь, которая ведет прямо в холл. Доктор позвонил, чтобы я проводила к нему следующего пациента, и я пошла позвать миссис Хэммонд. Но в приемной ее не было. Ее шляпа лежала на месте, а сумочка исчезла. И тогда я услышала на улице крики и выглянула в окно.

— В каком она, по-вашему, была настроении в то утро, мисс Камингс? — спросил коронер. — Она выглядела подавленной?

— Нет, мне показалось, что она была в прекрасном расположении духа, — ответила медсестра.

— Окно было открыто?

— Да. Я не могла поверить, пока не...

Коронер отпустил ее. Было ясно: она рассказала все, что знала.

Когда вызвали доктора Баркли, я очень удивилась. Я ожидала увидеть пожилого мужчину, но ему было на вид лет под сорок, и он был хорош собой. Зная Элинора, я задумалась. Если не считать ничем не примечательного Фреда, она предпочитала общество красивых мужчин.

Я услышала, как мама за моей спиной фыркнула, но тихо, как подобает леди.

— Так вот в чем дело! — заметила она. — Ей так же был нужен психиатр, как мне — третья нога.

Доктор не сообщил нам ничего нового. Тем утром он не видел Элинора. Он позвонил, никто не появился, и тогда он вышел в приемную. Мисс Камингс выглядывала из окна. Внезапно она закричала. К счастью, в этот момент пришла миссис Томпсон и

принялась ее успокаивать. Доктор спустился на улицу, но скорая его опередила.

До этого места доктор был вполне откровенен, но, когда его спросили, зачем Элинора ходила к нему на консультации, он весь подобрался.

— У меня много пациенток вроде миссис Хэммонд, — сказал он. — Женщин, у которых пошаливают нервы. У миссис Хэммонд это продолжалось много лет.

— И это все? Она не жаловалась ни на какие конкретные проблемы?

Он слегка улыбнулся.

— У всех у нас есть проблемы, — сказал он. — Какие-то из них мы придумываем сами, какие-то преувеличиваем, но некоторые из них и правда существуют. Я бы сказал, что миссис Хэммонд была абсолютно психически здорова. Я рекомендовал ей съездить отдохнуть. Думаю, она собиралась последовать моему совету.

Он говорил резким профессиональным тоном. Если Элинора и была влюблена в него, то это, очевидно, была односторонняя привязанность.

— Вы не предполагали, что она собирается покончить с собой?

— Нет, ни на минуту.

Вот и все, что им удалось из него вытянуть. Он ускользал от всех расспросов о том, какие проблемы Элинора себе придумала или преувеличила. Его отношения с пациентами, сказал он, конфиденциальны. Если бы он знал что-нибудь важное, он бы рассказал об этом, но он ничего не знает.

Когда он закончил, мама толкнула меня локтем.

— Возможно, он был в нее влюблен. Он до сих пор не пришел в себя, это точно.

Доктор сел возле нас, и я стала наблюдать за ним. Я заметила, как он встрепенулся, когда позвали следующего свидетеля, — это была миссис Томпсон, полная, по-матерински добродушная женщина, которая приводила в чувство медсестру.

Она сразу предупредила, что не надо принимать ее за одну из пациенток.

— Я раз в неделю убираю у доктора дома, — сказала она. — В тот день мне понадобилось взять часть денег вперед, вот я и пришла.

Она не сразу вошла в приемную. Вначале заглянула внутрь, увидела Элинору и решила подождать в холле. Она видела, как предыдущая пациентка вышла из кабинета и поехала на лифте вниз. А примерно через минуту до нее донеслись крики медсестры.

— Она высунулась из окна и орала как резаная. В приемную выбежал доктор, а я уложила медсестру на диван. Она сказала, что кто-то выпал из окна, но не сказала кто.

Миссис Томпсон сообщила, что прождала в холле примерно четверть часа. Она уверена, что в течение этого времени никто из пациентов в приемную не заходил. Если бы кто-то вошел, она бы заметила.

— Вы нашли в холле что-то из вещей миссис Хэммонд?

— Да, сэр. Сумочку.

Насколько я поняла, она обнаружила за батареей под окном. Получается, перед тем как прыгнуть, Элинора сняла шляпу и положила ее на стол, а сумочку бросила за батарею. Все это казалось мне странным.

Вынесли вердикт: самоубийство в состоянии аффекта. Полиция осмотрела окно и батарею; все сошлось на том, что выпасть случайно Элино́р не могла. Об убийстве никто и не заикнулся. После показаний миссис Томпсон оно представлялось маловероятным.

Фред выслушал вердикт безучастно. Его сестра Маргарет, сидевшая рядом в траурном платье, встала. Доктор Баркли смотрел прямо перед собой, как будто ничего не слыша. Затем он поднялся и вышел, и я, сажая маму в машину, видела, как он уезжает — все с тем же странным, застывшим выражением лица.

Я шла домой, кипя от негодования. Мне всегда нравилась Элино́р, даже когда она увела Фреда прямо у меня из-под носа, как без обиняков выражалась мама. По правде говоря, Фред Хэммонд и думать обо мне забыл с тех пор, как впервые увидел Элино́р. Он с самого начала боготворил ее, и его белое ошарашенное лицо на допросе не выходило у меня из головы.

Идиоты, подумала я. Разве стала бы Элино́р прыгать из окна, каких бы неприятностей с ней ни приключилось? Ее никогда не волновало, что о ней подумают.

Я вспомнила одну из последних наших встреч. Кто-то устроил костюмированную вечеринку, посвященную тайным желаниям, и Элино́р пришла в белом атласном платье с нашитой спереди огромной красной буквой А*.

* В романе американского писателя Натаниэля Готорна «Алая буква» молодую женщину, изменившую мужу, приговорили к пожизненному ношению на платье вышивки с алой буквой А (*Adulteress*).

Мама чуть не взорвалась от возмущения, когда ее увидела.

— Надеюсь, Элино́р, — сказала она, — твоя алая буква значит не то, что кажется?

Элино́р рассмеялась.

— А ты как думаешь, тетя Эмма? Ты сама могла бы поклясться, что никогда в жизни...

— Довольно, Элино́р, — сказала мама.

Элино́р в тот вечер была очень весела, и эта небольшая стычка ее только позабавила. Вот еще почему она мне нравилась: она умела справляться с мамой. Она-то не была единственной дочерью, живущей на содержании у матери, ей не приходилось терпеть постоянных приди́рок. А еще она вносила в мой маленький мир радость и смех.

Когда я пришла домой, мама, прямая и строгая, сидела за чаем, который был сервирован на подносе. Она оглядела меня.

— Не понимаю, Луиза, почему ты так расстраиваешься из-за этой истории. Что сделано, то сделано. И потом, Фред по ее милости вел жалкую жизнь.

— Он был с ней счастлив, а теперь она мертва, — сказала я. — И кстати, я не верю, что она сама выбросилась из окна.

— Значит, выпала.

— И в это я тоже не верю.

— Чепуха! Во что же ты тогда веришь?

Продолжать споры мне не хотелось. Я поднялась к себе. Мысли мои шли по кругу. Кто-то убил Элино́р и остал-

ся безнаказанным. Но кто же мог так сильно ее ненавидеть? Ревнивая жена? Не исключено.

Из моего окна был виден дом Хэммондов, и мысль, что Фред сейчас сидит там один, показалась мне невыносимой. Впрочем, это не значило, что я когда-либо была в него влюблена, как бы этого ни хотелось маме.

Я оделась и спустилась к ужину, но так и не смогла заставить себя поесть. К счастью, вечером у мамы собиралась партия в бридж, так что, как только она и три ее подруги сели за стол, я выскользнула на кухню.

Энни, наша кухарка, готовила сэндвичи и нарезала пирог. Я наказала ей отвечать, если спросят, что я легла спать, а сама вышла на улицу.

Дом Фреда находился всего в двух кварталах. Как и наш, он был окружен садом. Выйдя на подъездную дорожку, я увидела мужчину, который стоял и смотрел на дом. Видимо, я застала его врасплох. Он повернулся и посмотрел на меня. Это был доктор Баркли.

Он меня не узнал. Коснувшись шляпы, он вышел на дорогу, и я услышала, как заводится машина. Если он и заходил в дом, Фред не сказал мне об этом. Я позвонила, он открыл дверь и, увидев меня, вздохнул с облегчением.

— Я думал, это опять полиция — все никак от меня не отвяжутся, — сказал он. — Заходи. Я уже отослал слуг.

Мы прошли в библиотеку. Все было покрыто таким толстым слоем пыли, как будто там месяц не убрали. Дом Элинора всегда выглядел именно так: он был полон людей, сигаретного дыма и грязных бокалов. Но раньше он, по крайней мере, казался живым, а теперь — нет. Именно поэтому я

была удивлена, увидев на столе ее сумочку. Фред перехватил мой взгляд.

— Мне ее вернули сегодня в полиции.

— Можно я загляну внутрь?

— Конечно, — сказал Фред безжизненно. — Записки там нет, если ты об этом подумала.

Я открыла сумочку. Она, как всегда, была набита битком: пудра, румяна, кошелек для мелочи, чеки в отдельном кармашке на молнии, записная книжка, испачканный помадой носовой платок, крошечный флакончик духов, несколько образцов ткани для платьев с пришпиленной к ним бумажкой: "Подобрать туфли".

Фред наблюдал за мной; глаза у него были запавшие, веки покраснели.

— Я же говорил. Ничего.

Я еще раз пошарила в сумочке, но не смогла найти одной вещи, которая должна была быть там. Я закрыла сумочку и положила обратно на стол.

Фред смотрел на фотографию Элинора в серебряной рамке.

— Весь этот кавардак с полицией... Почему они не могут просто оставить ее в покое? Красивая она была, правда, Лу?

— О да, — ответила я.

— Люди всякое говорили. Маргарет считала ее глупой и расточительной.

Он посмотрел на стол, заваленный счетами.

— Может, так и было, но мне-то что, черт возьми?

Похоже, он ждал моей реакции, так что я сказала:

— Тебе не было нужды покупать ее, Фред. Она и так была твоя, она была очень к тебе привязана.

Он слабо улыбнулся мне, как маленький испуганный мальчик, которого утешают взрослые.

— Это правда, Лу. Я был ей не только мужем. Я был ей отцом. Она все мне рассказывала. И за каким чертом ей понадобился этот доктор...

— Ты не знал, что она ходит к нему?

— Нет, пока он не прислал счет, — мрачно сказал Фред. — Я сказал, что и сам мог бы прописать ей отдых и незачем было часами просиживать у этого красавчика. Но она только посмеялась.

Он говорил и говорил — явно был рад компании. Она была с ним счастлива. Иногда она отдалялась от него, но потом всегда возвращалась. Вердикт коронера казался ему возмутительным: "Она упала. Она всегда была неосторожна, совсем не боялась высоты". И непонятно, что теперь делать. Вот Маргарет поживет у него, пока он не переедет.

В эту минуту в комнату вошла высокая и угловатая Маргарет Хэммонд, как будто, произнеся ее имя, Фред вызвал ее. Старшая сестра Фреда никогда мне не нравилась. Она мне едва кивнула.

— Я решила зайти, — сказала она. — Не хочу оставлять тебя одного. А завтра я собираюсь составить опись имущества. Я бы хотела забрать портрет отца, Фред.

Фред поморщился. Портрет старого Джо Хэммонда с самой их свадьбы был яблоком раздора между ними и Маргарет. Не то чтобы он был так уж нужен Элино́р, но Маргарет хотела забрать его себе, а Элино́р не хотела уступать. Я посмотрела на Маргарет. Может быть, из всех знакомых

Элино́р именно Маргарет была единственным ее настоящим врагом. Брак Фреда возмущал ее, как и легкая беспечная жизнь Элино́р. Даже сейчас Маргарет не могла отвести взгляда от кипы счетов на столе.

— Я приведу все в порядок, Фред, — сказала она. — Нам нужно будет выяснить, как обстоят твои дела.

— Знаю я, как они обстоят.

Он встал перед ней, спиной к столу, как будто хотел защитить Элино́р от ее любопытных глаз. Маргарет пожала плечами и решила не спорить.

Вечер был теплый, и я шла домой не торопясь. Пройдя почти полпути, я вдруг почувствовала, что кто-то за мной идет. Я обернулась. Это была всего лишь какая-то девушка.

— Вы мисс Бэринг?

— Да. Вы меня напугали до полу-смерти!

— Простите. Я видела вас сегодня в полиции, и судебный репортер сказал мне ваше имя. Вы были подругами с миссис Хэммонд?

— Она была моей кузиной. А что?

Девушка, казалось, собиралась с духом.

— Я думаю, ее выбросили из окна, — сказала она. — Я работаю в офисе через дорогу и видела ее в окно. Тогда я, конечно, не знала, кто она.

— То есть вы видели, как это произошло?

— Нет. Но я видела, как она стоит у окна, примерно за минуту до этого. Она красила губы. Когда я в следующий раз посмотрела в окно — она лежала на тротуаре.

Девушка поежилась.

— Вряд ли она стала бы красить губы прямо перед тем, как прыгнуть, правда?

— Да, — ответила я. — А вы уверены, что это была именно миссис Хэммонд?

— Да, уверена. Она была в зеленом платье, но без шляпы: я обратила внимание на ее волосы. Я... сегодня вечером я искала помаду внизу, на дороге. Но не нашла. Я уверена, что помада была у нее в руке, когда она выпала.

Вот о чем я не сказала Фреду: в сумочке Элинора не было ее помады в золотом футляре.

— Мы можем сходить туда еще раз, — предложила я. — Вы не возражаете?

Девушка не возражала, но не хотела назвать мне свое имя.

— Зовите меня просто Смит, — сказала она.

Больше я никогда ее не видела, и если она не прочтет этот рассказ, то, возможно, никогда и не узнает, что именно она дала мне ключ к разгадке этого дела. Потому что мы действительно нашли помаду в сточной канаве. По ней наверняка проехало около дюжины машин: футляр был раздавлен, но монограмма Элинора читалась прекрасно.

Мисс Смит охнула.

— Так, значит, я была права, — сказала она.

И уехала на первом же подошедшем автобусе.

На следующий день поздним утром я пришла к доктору Баркли. В приемной никого не было, так что я подошла к окну и посмотрела вниз. Я попыталась представить себе, что

собираюсь прыгнуть: стала бы я красить губы или нет?

Вошла медсестра. Я назвала ей свое имя, и вскоре она провела меня в кабинет.

Увидев меня, доктор встал, а я просто положила перед ним на стол помаду Элинора и села.

— Не понимаю, — сказал он.

— Миссис Хэммонд красила губы этой помадой за минуту до того, как выпала из окна вашей приемной.

— Вы хотите сказать, что помада выпала вместе с ней?

— Я хочу сказать, что это было не самоубийство. Неужели вы думаете, что женщина станет красить губы прямо перед тем, как... как сделать то, что, с точки зрения следствия, она сделала?

Он кисло улыбнулся.

— Милая моя, если бы вы наблюдали человеческую природу так же долго, как я, вас бы это не удивило.

— Так значит, Элинора Хэммонд выбрасывается из вашего окна с помадой в руке, а сами вы ошиваетесь по вечерам у дома Хэммондов и сбегаете, как только я появляюсь! Хотела бы я знать...

Он был потрясен. Вчера вечером он меня не узнал.

— Так это были вы?! Что ж, лучше я признаюсь вам и попрошу держать это в секрете. Вчера на допросе мне не понравилось, как выглядит мистер Хэммонд. Я опасался, что он... что он может пустить себе пулю в лоб.

— Вы не могли предотвратить это, стоя снаружи, — скептически заметила я.

Он рассмеялся, но сразу посерьезнел.

— Понимаю, — сказал он. — Что ж, мисс Бэринг, что бы ни произошло с миссис Хэммонд, уверяю вас, это не моих рук дело. А насчет вчерашнего вечера — я сказал вам правду. Когда вы появились, я как раз раздумывал, как попасть внутрь. Мне позвонила его сестра, она за него беспокоилась.

— Я бы не стала доверять Маргарет Хэммонд. Она ненавидела Элинора.

Я встала и забрала помаду со стола. Он тоже поднялся и серьезно посмотрел на меня.

— Вы молоды и привлекательны, мисс Бэринг. Почему бы вам не оставить эту историю как есть? В конце концов, Элинора уже не вернешь.

— Я знаю, это было не самоубийство! — упрямо повторила я и вышла из кабинета.

В приемной я увидела Маргарет, и, по правде говоря, эта встреча удивила меня меньше, чем могла бы. Она стояла возле окна, из которого выпала Элинора, и на секунду мне показалось, что сейчас она тоже бросится вниз.

— Маргарет! — резко окликнула я.

Она вздрогнула при виде меня.

— Ой, Луиза, это ты. Ты меня напугала!

Она опустилась на диван.

— Она наверняка выпала, Лу. Это запросто могло произойти, сама посмотри.

Я покачала головой. У меня не было ни малейшего желания высовываться из окна, повернувшись спиной к Маргарет. Она сказала, что пришла оплатить счета Элинора, и я сделала вид, что поверила ей. И все же, когда я ехала в лифте, меня трясло.

Мне долго не удавалось завести машину, так что я увидела, как Маргарет

выходит из здания. Она внимательно осмотрела тротуар и сточную канаву. Получается, она либо знала, что помада выпала из окна вместе с Элинорой, либо спохватилась, не найдя ее в сумочке.

Маргарет меня не заметила. Она остановила такси. Сама не знаю почему, но я поехала за ней следом.

Такси выехало на окраину города и остановилось на улице с несколькими домиками, стоявшими на значительном расстоянии друг от друга. Маргарет вышла, все еще не замечая моей машины, и направилась к бревенчатому дому с узким крыльцом. Я увидела, как она поднялась и позвонила в дверь.

Она вошла в дом и пробыла там почти целый час. Я чувствовала себя очень глупо. Можно было назвать сколько угодно причин, заставивших Маргарет приехать сюда и не имеющих никакого отношения к смерти Элиноры. Но когда Маргарет наконец вышла, я была ошеломлена.

Проводить ее на крыльцо вышла миссис Томпсон, которую я видела на дознании.

Когда такси проезжало мимо, я нагнулась завязать шнурок, но, думаю, Маргарет не заметила даже моей машины. И миссис Томпсон тоже — она сидела на крыльце. Я поднялась по ступенькам.

Казалось, она была скорее удивлена, чем испугана.

— Вы что, продаете что-то? — сказала она довольно беззлобно.

— Нет, — ответила я. — Могу я с вами поговорить?

— О чем? — Теперь она смотрела на меня с подозрением.

— Об убийстве. Есть такое понятие, как соучастник преступления, а вы, похоже, знаете что-то, о чем не рассказали на дознании по делу Элинон Хэммонд.

Ее румяное лицо побледнело.

— Это было не убийство. Вердикт...

— Да-да, я знаю. И все же, я думаю, это было убийство. А иначе что здесь делала Маргарет Хэммонд?

Миссис Томпсон была ошарашена, но быстро пришла в себя.

— Я ее в глаза не видела до всего этого, — сказала она. — Она пришла поблагодарить меня за мои показания, потому что из них ясно: бедняжка покончила с собой.

— И, наверное, заплатит вам за них?

Она вспыхнула.

— Никто мне не платил! А теперь лучше уходите. Если вы думаете, что меня можно подкупить, вы ошибаетесь. Вот так-то.

Она захлопнула за собой дверь, и я поехала обратно в центр. Я совершенно запуталась: миссис Томпсон сказала мне правду или все-таки о чем-то умолчала? Я была уверена только в том, что доктору известно больше, чем он мне рассказал.

В тот день я опоздала к ланчу, и мама была в негодовании.

— Не понимаю, почему ты, ничем не занимаясь, все равно опаздываешь к столу?

— У меня было много дел, мама, — ответила я. — Я пыталась разобраться с убийством Элинон.

Она взвизгнула, будто это слово оскорбило ее утонченные чувства.

— С убийством?! Да кому надо было ее убивать?

— Ну, например, Маргарет. Она всегда терпеть ее не могла.

— Люди ее круга не совершают преступлений, — изрекла мама. — Не понимаю, Луиза, что с тобой такое. Как можно подозревать свою подругу...

— Она мне не подруга! Моей подругой была Элинон.

— И теперь тебе нужно устроить скандал. Убийство, подумать только! Предупреждаю тебя, Луиза, если ты станешь носиться с этой идиотской идеей, скоро твое имя появится во всех газетах. Я перестану выплачивать тебе содержание.

С этими словами она вышла из комнаты, а я, гадая, что могли знать или подозревать доктор Баркли и эта Томпсон, отправилась сделать прическу в парикмахерскую, в которую обычно ходила Элинон.

От девушки, которая укладывала мне волосы, я узнала кое-что новое.

— А я-то сидела, ждала ее... Она всегда приходила вовремя. Но в тот раз она, конечно, так и не пришла.

— Вы хотите сказать, она должна была прийти в тот самый день, когда это произошло?

— Ну да, — подтвердила она. — В четыре часа. По пути домой я купила газету, увидела новость и просто поверить не могла: она всегда была такая жизнерадостная. В последние несколько недель она, конечно, вела себя иначе, но все же...

— Когда вы заметили перемены в ее поведении? — спросила я.

— Хм, дайте-ка подумать... На Пасху, наверное. Помню, я похвалила ее новую шляпку, а она прямо тут же мне ее и отдала. И сказала странную

вещь — что иногда новые шляпки могут быть опасны.

Может, моя прическа и стала выглядеть лучше, когда я вышла из салона, но в голове воцарилась полная неразбериха. Почему новые шляпки могут быть опасны? И с чего бы Элино́р вести себя иначе после Пасхи?

В тот вечер Фред пришел к нам на ужин. Он сидел за столом и ковырял еду ви́лкой. Маргарет не пришла; Фред сказал, что у нее разболелась голова и она легла пораньше. Сам он почти все время говорил об Элино́ре.

Это было ужасно, даже мама выглядела расстроенной.

— Попробуй съесть хоть что-нибудь, Фред. Попытайся не думать об этом. Она была очень счастлива с тобой, всегда об этом помни.

Я спросила его, не случилось ли на Пасху чего-нибудь, что могло расстроить Элино́ра. Он уставился на меня.

— Ничего такого не припомню, Лу. Разве что как раз тогда она стала ходить к этому своему психиатру.

— Но Фред, зачем она к нему ходила? — спросила мама. — Разве у нее были какие-то комплексы? Я никогда не замечала.

Если это и была шпилька, Фред ничего не заметил.

— Вы же его видели. Красавчик, черт его побери. Может, ей нравилось на него смотреть — не то что на меня.

Вскоре он ушел. Несмотря на все его возражения, я подумала, что он был против того, чтобы Элино́ра ходила к смазливому доктору. А может, он просто пытался как-то защитить себя от тоски по ней: вспоминал ее недостатки, чтобы проще было смириться с этой ужасной утратой.

Я плохо спала той ночью и опоздала к завтраку. Мама уже прочла газету, так что я взяла ее полистать.

На последней странице сообщалось, что накануне вечером кто-то выстрелил в миссис Томпсон!

Я дважды прочла заметку. Миссис Томпсон была жива, но в критическом состоянии. Полиции удалось узнать от ее родственников только то, что это произошло, когда она сидела на крыльце одна. Выстрела никто не слышал. Ее обнаружил муж, вернувшись с профсоюзного собрания в одиннадцать часов. Она была без сознания и до сих пор, по словам врачей, слишком слаба, чтобы давать показания.

Все-таки она что-то знала, бедняжка. Что-то, что сделало ее опасной для преступника. Мне снова вспомнилось, как Маргарет поднимается по ступенькам домика на Чарлз-стрит, как она ищет на улице помаду. Маргарет всегда ненавидела Элино́ра, а теперь наконец все в ее распоряжении: Фред, портрет Джо Хэммонда, шелковые простыни и — внезапно подумала я — пистолет Фреда, который годами пылился в ящике его стола.

Думаю, именно мысль о пистолете заставила меня действовать.

Днем я отправилась в наш полицейский участок и сказала дежурному, что хочу поговорить со следователем.

— Он занят, — ответил дежурный, безразлично скользнув по мне взглядом.

— Хорошо, — ответила я, — если он слишком занят, чтобы расследовать убийство, я поеду в Главное управление.

ГУБНАЯ ПОМАДА

— А кого убили?

— Я расскажу все следователю.

Мимо проходил какой-то полицейский, и дежурный окликнул его.

— Эта девушка говорит что-то про убийство. Посмотри, капитан занят?

Оказалось, что капитан не занят, но интереса к моему делу он не проявил. Когда я сказала ему, что это касается смерти Элинон Хэммонд, он ответил, что, насколько он понимает, это дело закрыто, да и в любом случае это произошло не на его участке. В миссис Томпсон стреляли тоже не на его участке, и он явно думал, что я или не в своем уме, или ищу внимания газетчиков, так что в конце концов мне пришлось сдаться.

Когда я выходила из участка, дежурный спросил, ухмыльнувшись:

— Что, хотите, чтоб мы вам труп выкопали?

— Да вы не справились бы даже с делом об убийстве собаки! — горько ответила я.

И все же моя поездка не была безрезультатной. Я еще немного поехала по городу, пытаясь решить, что делать дальше. Когда я приехала домой, мама встретила меня в прихожей.

— Тебя ждет полицейский, — прошипела она. — Что ты натворила?

— Ничего, — ответила я. — Это насчет Элинон. Дай мне поговорить с ним наедине.

— Ты с ума сошла! — злобно сказала она. — Эта история окончена. У Элинон были неприятности, и она покончила с собой. Она все время впутывалась в истории. Сейчас еще, чего доброго, тебя саму арестуют.

Мама пошла в гостиную вслед за мной, и не успела я рта раскрыть,

как она сообщила следователю, что в последнее время я вела себя очень странно, поэтому она сейчас позвонит доктору и уложит меня в постель.

— Думаю, она сможет говорить за себя сама, — сказал полицейский. — Так что там с убийством, мисс Бэрринг?

И я все ему рассказала: про Элинон и ее помаду, что она записалась в парикмахерскую на то самое время, когда ее обнаружили мертвой на тротуаре, что миссис Томпсон наверняка умолчала о чем-то на дознании.

— То есть вы полагаете, что это было не самоубийство? Так?

— А разве это похоже на самоубийство?

— Но тогда кто это сделал?

— Я думаю, сестра ее мужа.

Мама задохнулась от возмущения. Он встала и заявила, что у меня истерика.

Но следователь не обратил на нее внимания.

— Оставьте ее в покое, — грубо сказал он. — А что там с этой сестрой?

— Вчера я встретила ее в приемной доктора Баркли. Она утверждала, что Элинон сама выпала из окна. Может, это и глупо звучит, но она знала про помаду. Она искала ее на улице. Я думаю, она была у доктора в день, когда убили Элинон. Я думаю, миссис Томпсон об этом знала. Я думаю, Маргарет Хэммонд выстрелила в нее.

— Выстрелила? — резко переспросил он. — В ту женщину с Чарлз-стрит?

— Да.

Он пристально оглядел меня.

— Почему вы думаете, что стреляла мисс Хэммонд?

— Потому что вчера утром она приезжала домой к миссис Томпсон. Я следила за ней.

Мама снова завела свою песню. Она не понимает, почему я так себя веду. У Маргарет вчера вечером болела голова, она была дома, в постели. Это легко проверить. Слуги могут подтвердить...

Следователь выждал, пока она замолчит, и встал.

— Позвольте дать вам совет, мисс Бэринг, — сказал он. — Предоставьте это нам. Если все так, как вы говорите, и было совершено убийство и покушение на убийство, разобраться в этом — наша работа.

В тот день с головной болью слегла мама, а я сидела у телефона. Когда следователь наконец позвонил, он не сообщил мне ничего нового. Миссис Томпсон пришла в себя и дала показания. Она не знала, кто стрелял в нее и почему, но продолжала утверждать, что Маргарет приходила просто поблагодарить ее за ее показания; из них было очевидно, что Элино́р либо выпала, либо выпрыгнула из окна. Никто не давал и не предлагал миссис Томпсон никаких денег.

Но это было еще не все. Оказалось, что после коронерского дознания миссис Томпсон забеспокоилась и позвонила Маргарет, чтобы посоветоваться. Дело было в том, что, пока она стояла в холле, один человек все-таки зашел в приемную доктора.

— Но в этом нет ничего особенного, — сказал следователь. — Это был почтальон, на них никто не обращает внимания.

— Почтальон? — слабым голосом повторила я.

— Да. Я поговорил с ним. Он помнит, что видел миссис Хэммонд в приемной в то утро. Она была без шляпы, сидела и читала журнал.

— А миссис Томпсон он видел?

— Нет, ее он не заметил, но она видела его.

— Так, значит, это он стрелял в нее вчера вечером!

Следователь рассмеялся.

— Вчера вечером он ходил с семьей в кино. И помните, мисс Бэринг: это мог быть просто несчастный случай. Сейчас же многие носят оружие.

Вот как все прекрасно складывалось. Элино́р совершила самоубийство, а какой-то псих хотел застрелить Гитлера и решил потренироваться на миссис Томпсон. Вот только мне в это не верилось. Особенно после того, как вечером к нам зашел доктор Баркли.

Мама все еще лежала в постели и не хотела меня видеть, а я сидела и слушала радио, когда горничная провела его в гостиную.

— Простите за вторжение, — сказал он, — я не отниму у вас много времени.

— Значит, это не профессиональный визит?

Он выглядел озадаченным.

— В каком смысле?

— Мама считает, что я схожу с ума. Элино́р Хэммонд мертва — ну и оставим ее в покое. В миссис Томпсон стреляли — незачем переживать. Помни о газетах! Не позорь семью! Главное — никаких скандалов!

— Вы, похоже, не в лучшей форме? Может, вам лечь в постель? Мы можем поговорить потом.

— Я должна лечь в постель? Вот это будет мило и всем удобно, не правда ли? А кому-то сойдет с рук убийство,

а может, и два! Все только и делают, что затыкают мне рот, даже полиция!

Он вскинулся.

— Вы были в полиции?

— А почему бы и нет? Почему я не должна была идти в полицию? Просто потому, что вы не хотите, чтобы все узнали, что из окна вашей приемной выбросили человека?..

Он очень разозлился, но пытался держать себя в руках.

— Послушайте, — начал он. — Вы говорите о вещах, в которых ничего не понимаете. Почему бы вам не оставить это дело?

— Если бы не я, его бы просто не было! — в ярости воскликнула я. — Почему всем так нужно, чтобы я держалась от этой истории подальше? Откуда мне вообще знать, что это не ваших рук дело? Ведь вы могли убить ее. Либо вы, либо почтальон. А он вчера вечером ходил с семьей в кино.

— Почтальон? — переспросил он, уставившись на меня. — При чем здесь почтальон?

Наверное, меня рассмешило изумленное выражение его лица. Я смеялась и смеялась — не могла остановиться. Потом я заплакала и тоже не могла остановиться. Он внезапно ударил меня по щеке — моя голова резко откинулась назад, но плакать я перестала.

— Вот и умница, — сказал он. — А то чуть все соседи не сбежались. Вам лучше лечь в постель, а я пришлю снотворного из аптеки.

— Я все равно не стану принимать ничего, что вы мне пришлете.

Он пропустил мои слова мимо ушей.

— Вы можете мне не верить, но я пришел не для того, чтобы нападать

на вас. Я пришел сказать, чтобы вы не выходили вечером одна, пока я не скажу вам, что уже можно. Я говорю всерьез, — добавил он. — Не выходите из дома одна вечером, мисс Бэринг.

— Что за чушь! — Я все еще была в ярости. — Почему мне нельзя выходить из дома вечером?

— Это может быть опасно, — коротко ответил он. — А главное — держитесь подальше от дома Хэммондов.

За ним хлопнула входная дверь. Следующие полчаса я размышляла о том, как его ненавижу. Я все еще была очень зла, когда зазвонил телефон. Это была Маргарет.

— Видимо, это тебе мы обязаны сегодняшним визитом полиции? Почему бы тебе не оставить нас в покое? Нам и без тебя сейчас забот хватает.

— Хорошо. — Я уже совсем потеряла голову. — А теперь у меня к тебе вопрос. Зачем ты приезжала к миссис Томпсон вчера утром? И кто стрелял в нее вчера вечером?

Она охнула и повесила трубку.

Через полчаса мальчик-посыльный из аптеки принес мне снотворного. Я пошла на кухню и высыпала все таблетки в печь под изумленным взглядом Энни, которая подогревала маме молоко. Она сказала, что заходила Клара, кухарка Хэммондов.

— Клара говорит, там все с ума посходили. Вчера вечером кто-то затопил печь, так что сегодня в доме такая жара — жить невозможно.

Я все еще была потрясена и не обратила особого внимания на ее слова. Тут Энни подняла голову, и, проследив за ее взглядом, я увидела, что у черного хода стоит Фред.

— Можно войти? — спросил он. — Я гулял и увидел у вас свет.

Сегодня он выглядит получше, подумалось мне. Он сказал, что Маргарет уже легла, а ему очень одиноко, и попросил Энни сделать ему кофе.

— Я все равно почти не сплю, — сказал он. — Трудно пока приспособиться. Да еще в доме жуткая жара: я вчера решил избавиться от кучи вещей, сжег их.

Так вот кто затопил печь вчера вечером.

Я вышла на улицу проводить его, стояла и смотрела ему вслед. Потом я вернулась на подъездную аллею и уже подходила к дому, когда это случилось. Я помню шорох из кустов, но не помню выстрела. Что-то ударило

меня по голове, я упала, и после этого — темнота, а потом мамин голос.

Я лежала в собственной постели с перевязанной головой — она болела и кружилась.

— И как это ей пришло в голову выйти на улицу! Вы же ей сказали этого не делать, — говорила мама.

— Я сделал, что мог, — ответил мужской голос. — Но у вас очень упрямая дочь.

Это был доктор Баркли — я увидела его у постели, как только открыла глаза. Помню, я сказала:

— Вы дали мне пощечину.

— Но это не помогло, — парировал он. — Посмотрите, в каком вы состоянии.

Я уже успела рассмотреть его полнее: выглядел он ужасно. Один глаз у него почти не открывался, а воротничок рубашки был смят и съехал набок.

— Что случилось? — спросила я. — Вы с кем-то подрались?

— Можно и так сказать.

— А что это у меня на голове?

— То, что получают, когда не слушают моих советов.

Я стала припоминать: возня в кустах, что-то сшибло меня с ног. Доктор подошел к постели и измерил мой пульс.

— У вас на голове очень хорошенючая царапина от пули, — сказал он. — А еще мне пришлось сбрить вам часть волос.

Видимо, на этом месте я застонала, потому что он перестал считать пульс и погладил меня по руке.

— Не расстраивайтесь из-за этого. У вас чудесные волосы, они скоро отрастут. Слава богу, вы сами остались живы.

— Кто это сделал? Кто стрелял в меня?

— Ну, разумеется, почтальон, — сказал он и, к моей ярости, вышел из комнаты.

Я уснула — наверное, он дал мне таблетку. Окончание этой истории я узнала только на следующее утро. Доктор Баркли совершенно покорила маму, так что она не позволяла ему меня увидеть, пока мою постель не застелили лучшим шелковым бельем. Даже в карманном зеркальце мое отражение выглядело чудовищно: изжелта-серая кожа, перевязанная голова. Но доктору, похоже, было все равно. Он вошел в комнату, большой, с до-

бродушной улыбкой и заплывшим правым глазом, и сообщил мне, что я страшна как смертный грех.

— Вы и сами не в лучшей форме, — заметила я.

— Ах, вы об этом? — Он легонько коснулся века. — Вчера вечером ваша матушка приложила мне к ушибу серебряный нож, смазанный маслом. Примечательная личность!

Он извинился за неподобающий вид, объяснив, что всю ночь беседовал с полицией, но сейчас пойдет приведет себя в порядок.

— Вы не выйдете из этой комнаты, пока я не узнаю, что произошло! — выкрикнула я. — У меня уже жар начался от волнения!

Он положил большую ладонь мне на лоб.

— Жара у вас нет, это просто ваш пытливый ум никак не успокоится. Ну хорошо, с чего мне начать?

— С почтальона.

И он все мне рассказал.

Весной Элинора впервые пришла к нему и рассказала странную историю — она утверждала, что ее преследуют. Она была взволнована, даже напугана. Мужчина, который следил за ней, был одет в форму почтальона. Когда она обедала в ресторане с кем-нибудь из тех, кого называла друзьями, — тот человек заглядывал в окно снаружи. Он появлялся повсюду. Это звучало безумно, но она клялась, что так оно и есть.

Я начала что-то понимать.

— Так это он в тот день зашел к вам в приемную, это его видела миссис Томпсон, пока ждала в холле?

— Она уже его опознала. Настоящий почтальон приходил раньше, он

видел миссис Хэммонд в приемной: она читала журнал. Но он ушел до того, как пришла Томпсон. А она видела того, кто убил Элинора.

Я все поняла до того, как он сказал мне. Мне стало плохо.

— Это был Фред, да?

— Да, это был Фред Хэммонд. — Доктор Баркли взял меня за руку. — Да, дорогая, вот такие дела. Я опасался этого. Я советовал ей уехать, но она не хотела. А потом она надела на какую-то вечеринку платье с алой буквой "А", и, думаю, это добило его.

— Это безумие! Он обожал ее!

— Он помешался на ней. Да, он любил ее. А еще он боялся ее потерять и чудовищно ревновал.

— Но если он действительно любил ее...

— Грань между любовью и ненавистью очень тонкая. А может, он просто не мог поверить, что она принадлежит ему, до тех пор, пока... пока она могла принадлежать кому-то еще.

— И поэтому он ее убил!

— Да, он ее убил, — медленно сказал доктор Баркли. — Он знал, что на почтальонов никто не обращает внимания, поэтому вошел ко мне в приемную и...

— Но он же сумасшедший! Нельзя отправлять его на электрический стул!

— Никто и не собирается, — доктор помедлил. — Вчера вечером я пришел слишком поздно. Я схватил его, как раз когда он стал в вас целиться; он дрался изо всех сил. Каким-то образом ему удалось вырваться — и он застрелился.

Доктор медленно продолжал свой рассказ. Нет никаких сомнений в ви-

новности Фреда. Миссис Томпсон опознала его по фотографии: это он был тем самым почтальоном, который прошел мимо нее в приемную доктора и вышел незадолго до того, как она услышала крик медсестры. Пуля, которой стреляли в миссис Томпсон, была выпущена из его пистолета. А Маргарет — бедная Маргарет! — уже давно сомневалась в его душевном здоровье.

— Вчера она приходила ко мне — после того, как узнала, что кто-то стрелял в миссис Томпсон. Она хотела, чтобы ее брата забрали в специальное заведение, но стоило мне заговорить о полиции, как она впала в истерику. В любом случае им не хватило бы доказательств. Миссис Томпсон при смерти, униформы нет...

— Нет? Как это нет?

— Он сжег ее. Прошлой ночью мы нашли несколько обугленных пуговиц.

— Но почему он пытался убить миссис Томпсон? Что она такого знала?

— Миссис Томпсон помнила, как почтальон зашел в приемную и вышел оттуда, и даже описала его внешность. А Маргарет нашла на чердаке униформу. Тогда она все и поняла. Это сломило ее. Она не могла заставить себя встретиться с Фредом. Она заперлась у себя в комнате и стала думать, что делать дальше. Фред знал, что она собирается навестить миссис Томпсон, и, возможно, догадывался, что она нашла униформу. Маргарет не уверена в этом, да и я тоже. Мы знаем только, что той ночью Фред вышел из дома и попытался убить единственного человека, который мог свидетельствовать

ГУБНАЯ ПОМАДА

против него. Если не считать вас, разумеется.

— Меня!

— Да-да, вас, — сухо повторил доктор. — Как вы, возможно, помните, я пытался вас предупредить.

— Но зачем ему было меня убивать? Я же всегда ему нравилась!

— Потому что вы не хотели оставить эту историю в покое. Потому что вы представляли для него опасность с той самой минуты, как заявили, что Элино́р убили. И потому что спросили Маргарет, зачем она ездила к миссис Томпсон и почему в миссис Томпсон стреляли.

— Вы думаете, он подслушивал?

— Я знаю, что он подслушивал. Секстры он не боялся — она бы умерла за него, и он знал об этом. Но оставались вы — ребенок с динамитной шашкой. И вы все время задавали вопросы. Тогда Маргарет послала меня предостеречь вас.

— Простите! Я была душой.

Здоровый глаз доктора заблестел.

— Я бы так не сказал. Именно ваше упрямство решило это дело. Не то чтобы мне нравились упрямые женщины...

Мне стоило труда вернуть его к событиям прошлой ночи. В конце концов он признался, что весь вечер наблюдал за домом Хэммондов и стоял снаружи, когда Фред зашел к нам на кухню. Фред выглядел спокойным, пил кофе. А потом я вышла на улицу вместе с ним.

Я вдруг разрыдалась. Все это было так ужасно: Элино́р стоит возле окна, а сзади, за ее спиной — Фред;

миссис Томпсон отдыхает после рабочего дня, а Фред стреляет в нее. И вот теперь я сама...

Доктор Баркли достал грязный платок и вытер мне глаза.

— Перестаньте, — сказал он. — Все это закончилось, а вы отважная девушка, Луиза Бэринг. Не портите впечатление.

Внезапно он встал.

— Ну вот и все. Сейчас вам сменят повязку.

— А вы почему не можете?

— Это не моя специальность.

Я посмотрела на него. Синяк под глазом все рос, сам он был небритый, в мятой одежде, совершенно изможденный, но большой, сильный и здравомыслящий. Рядом с ним женщина может чувствовать себя в безопасности, подумала я. Но она никогда не должна рассказывать ему свои сны.

— Не понимаю, почему вы сами не можете мной заняться, — сказала я. — Уж если кому-то придется увидеть меня лысой, лучше, чтобы это были вы. В конце концов, это ваших рук дело.

Он усмехнулся, а затем, к моему удивлению, наклонился и поцеловал меня в щеку.

— Я хотел это сделать с той самой минуты, когда вы швырнули мне на стол помаду, — сказал он. — А теперь, пожалуйста, оставьте свое расследование и сосредоточьтесь на том, чтобы отрастить волосы. Мне теперь придется часто вас видеть.

Я подняла глаза. Мама стояла в дверях и лучезарно улыбалась.